

Сегодня мы открываем новую рубрику, в которой будем показывать «непарадную» историю нашего края, потому что жизнь человека, как впрочем, и общества в целом, состоит не из одних только подвигов и свершений. Именно поэтому человечество не может пока обойтись без таких инструментов, как полиция, спецслужбы и, как это ни прискорбно, тюремного ведомства. Все эти атрибуты присутствовали и в истории нашего края, однако известно о них не так уж много. Постараемся в меру сил исправить это положение.

Свистком и палкой были вооружены первые симбирские милиционеры

На перекрестке улиц Гончарова и Московской (ныне – Ленина), как раз там, где сейчас сквер с памятником писателю и обломовским диваном, в семнадцатом году еще стоял величественный храм Вознесения. Рядом с ним, на Гончаровской улице, до сих пор находится старинный двухэтажный дом (на фото). В 1910 году его построил известный симбирский купец Евстигней Васильевич Кудряшов. На первом этаже размещался магазин, а на втором жил сам хозяин с семьей.

Именно здесь не очень поздним вечером 27 марта 1917 года и случилось весьма неприятное для хозяев событие.

Примерно в половине десятого вооруженный палкой ночной караульщик Максим Дмитриевич Ташлинский (заменивший вооруженного револьвером и шашкой, однако идеологически чуждого городского) шел по Гончаровской улице со стороны Чебоксарской (ныне ул. Бебеля) на сторону Московской (ныне ул. Ленина). Поравнявшись с домом Кудряшова, сквозь большие застекленные витрины он увидел, что внутри магазина копошатся несколько темных фигур. Еще один незнакомец стоял на улице, загородив собой входную дверь. Это был невысокий молодой человек с маленькими черными усиками.

Почуввав неладное, караульщик схватил его за рукав и принялся лихорадочно свистеть в свисток. В ответ неизвестный выхватил нож, взмахнув им перед лицом сторожа. Тот разжал пальцы, и усатый бросился бежать.

В это время по улице проходил унтер-офицер 2 роты 242 запасного полка Петр Михайлович Ватузов.

Год великого перелома

(отрывки из ненаписанной книги)

В 1917 году рухнули устои российского государства. Одновременно с монархией была разрушена практически вся система государственного управления, в том числе армия, спецслужбы, полиция.

Задача будущей книги, фрагменты которой представлены в журнале, состоит в том, чтобы немного приоткрыть ту страничку нашей истории, о которой обычно забывают. А еще – возвращение из забвения имен тех, кто посвятил себя нелегкой и опасной службе, причем особенно нелегкой и особенно опасной как раз на переломе эпох.

Возможно, кто-то из читателей найдет здесь имена своих прадедушек и узнает о них хотя бы чуточку больше.

Услышав свисток, он побежал в сторону магазина и увидел, как, угрожая ножом, от караульщика вырвался какой-то человек, а следом за ним из магазина выбежали еще двое. Четвертый же все еще оставался в помещении. Пометавшись по залу, как загнанный волк, он выбил двойное витринное стекло, выскочил на улицу, но поскользнулся и упал. Ватузов бросился было к нему, чтобы задержать «мазурика», однако тот выхватил нож. «Так как я был без оружия, то приступить к нему не решился», – позже оправдывался унтер-офицер.

Вскочив на ноги, грабитель бросился вниз по Московской. Солдат побежал следом, но не догнал. Описывая приметы преступников, он вспомнил, что все они были в коротких куртках или пиджаках, а у того, что разбил витрину, еще и лицо все в крови.

Милиционер Сергей Федорович Болотников, бывший на посту неподалеку, тоже услышал свистки. Он увидел, как из разбитого окна выскочил неизвестный, и побежал за ним, но вскоре потерял из виду, так как было темно.

Хозяин магазина Е.В. Кудряшов уже собирался ложиться спать, когда услышал свистки и шум внизу. А первым на месте происшествия оказался его сын – прапорщик Виктор

Евстигнеевич. Однако, когда он вышел на улицу, грабителей уже и след простыл, зато вокруг разбитой витрины собралась изрядная толпа зевак.

О налете по телефону сообщили в первый комиссариат милиции, который находился в помещении бывшей первой городской полицейской части, в доме, что рядом с пожарной каланчой на ул. Ленина (сейчас это дом № 47).

Вскоре на место происшествия прибыли помощники комиссара первого участка Гусс и Вышковский. Они обнаружили, что входная дверь магазина взломана. Внутри на полу валялись: «1. Большая железная палка в виде засова, длиною в 1 арш. 5 вершков (примерно 1 метр. – В.М.), тяжелая. 2. Темносиняго сукна с суконным козырьком фуражка с отпортой подкладкой. 3. Жестяная кружка, печатанная сургучной печатью приставой 1 части г. Симбирска. Внутри кружки имеется мелочь, но сколько именно, не известно, так как кружка не распечатывалась... Кружка предназначена для сбора в пользу слепых... Более по осмотру ничего не оказалось».

Евстигней Васильевич Кудряшов сообщил, что кружка находилась в магазине. Кому принадлежат лом и фуражка, он не знает.

Прошло две недели, и 12 апреля 1917 года «судебный следователь Симбирского Окружного Суда, 1 участка», судя по подписи, М. Коркин, констатировал: «Несмотря на все принятые меры, обнаружить виновных в сем преступлении не представилось возможным».

Может быть, окажись на месте происшествия «старорежимные» городовые, уйти налетчикам не удалось бы. Однако за несколько дней до происшествия полиции в России официально не стало. 11 марта 1917 года вышло постановление Временного правительства под названием «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении Временного управления по делам общественной полиции и обеспечению имущественной безопасности граждан».

Фактически же ее судьба решилась раньше, еще 2 марта, когда была подписана, а вскоре опубликована «Декларация Временного правительства о его составе и задачах». Первым пунктом данного документа значилась «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.». А пункт 5 гласил: «Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления».

Слово «милиция» (лат. militia) у римлян первоначально обозначало солдат-пехотинцев (лат. miles), что, в свою очередь, производится от mille (тысяча, легион). Со времени учреждения постоянных армий в противоположность им милицией стали называть войско, мобилизуемое только на время войны, род ополчения, совокупность всех обученных военному делу военно-способных граждан, срок обучения которых сводился до минимума.

Кроме того, термин «милиция» использовался «для обозначения обывательских дружин, формируемых для несения полицейской службы и охраны порядка в тех случаях, когда правительственная власть силою обстоятельств (народное волнение, эвакуация ввиду наступления неприятеля) лишается возможности правильно отправлять свои функции».

Проще говоря, профессиональных полицейских предполагалось заменить таким народным ополчением, благо к этому времени (1917 год) кое-какой опыт использования этих «обывательских дружин» в России уже был.

В 1905 году Ревель охватила всеобщая стачка. Бывший в то время эстляндским губернатором в прошлом директор департамента полиции Лопухин вспоминал, что когда встал Ревельский газовый завод и потухли фонари на улицах, «подонки населения воспользовались темнотой и учинили беспорядки и нападения на людей». Чтобы прекратить бесчинства, сил полиции оказалось недостаточно, и Лопухин обратился к ревельской городской думе с просьбой организовать народные милицейские отряды в помощь полиции. Рабочие, к которым в свою очередь обратились власти, поставили условие: Лопухин не посадит за решетку их лидеров, арестованных прежним губернатором, а уже посаженных освободит. Своими полномочиями и под свою ответственность арестованные были отпущены. Через час после этого на улицы вышли народные патрули, и спустя два дня порядок в городе был восстановлен.

Но случилось и по-другому. Когда в октябре того же 1905 года был опубликован Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» (Октябрьский манифест), даровавший подданным империи гражданские свободы, Казанская городская дума приняла решение прекратить финансирование полиции. Вместо нее была создана народная милиция из числа студентов и членов нелегальных партий. В полицейских участках было конфисковано оружие. 21 октября произошло столкновение милиции с «патриотической» манифестацией. Милиционеры укрылись в здании Думы, которое было окружено войсками. Во время столкновений 8 милиционеров были убиты. Остальные сдались.

Похожие события разыгрались в Томске. Там городская дума тоже организовала милицию, что вызвало волнения в городе. 20 октября толпа окружила полицейскую управу, потребовала царский портрет и отправилась бить милиционеров, укrywшихся в здании управления Сибирской железной дороги. Вскоре оно было осаждено толпой и войсками, а потом и подожжено. Многих, показавшихся в окнах, вылезавших на крышу и спускавшихся, солдаты расстреливали из винтовок.

В общем, первые опыты замены полиции милицией оказались скорее неудачными и весьма плачевными. И вот спустя десять лет их решили повторить. Но сперва требовалось

пустить на слом «пережиток ненавистного царского режима».

И если в столице начались погромы и избиения полицейских, то в городах и волостях губернии, включая Симбирск, ликвидация проходила более или менее цивилизованно. Разоружил полицию своим распоряжением сам губернатор. Оставшихся же без работы полицейских отправили в... оплачиваемые отпуска. Новоиспеченный губернский комиссар Головинский 7 марта разослал городским головам губернии циркуляр, которым предписывал «уволить в отпуск до 25 марта всех городских, не получивших места в милиции, сделав им расчет для удовлетворения жалованиям». По окончании отпуска всех бывших полицейских надлежало передать на учет воинскому начальнику. Аналогичное распоряжение было отдано в отношении конно-полицейской стражи, т.е. сельских «городовых».

А полицейские стражники, «находившиеся на казенной разработке дров при станции Глотовка», без указаний сверху, «оставив самовольно службу, передали свое оружие на хранение местному лесопромышленнику Александру Андреевичу Каракозову» и разошлись по домам.

Короче говоря, процесс ликвидации «пережитков» прошел более или менее гладко: «Сим доводится до сведения граждан г. Симбирска и Заволжских слобод, что прежняя полиция отстранена и прекратила всякую деятельность и заменена городской милицией. Во всех нужных случаях граждане приглашаются обращаться к комиссарам милиции, имеющих пребывание в помещениях бывших полицейских частей. Председатель комиссии Шауман, члены комиссии Малиновский, Швер, Серебряков», – сообщила газета «Симбирянин» 8 марта.

Здесь же было опубликовано воззвание к горожанам: «Граждане! Наблюдение за спокойствием и порядком в пределах города возложено городскому управу на городскую милицию».

Городская управа, доводя об этом до сведения граждан города, верит и надеется, что лица городской милиции встретят полное содействие со стороны населения города в целях выполнения возложенных на них обязанностей, почему и обращается с просьбой ко всему городскому населению доводить до сведения агентов городской милиции и комиссаров последней о случаях всякого рода, буйствах, хулиганствах и проч., в целях

скорейшего прекращения замеченных уличных беспорядков».

И если та часть сообщений, что извещала об упразднении полиции, была правдой, то утверждение по поводу городской милиции оставалось скорее пожеланием, нежели реально состоявшимся фактом – милицию еще только предстояло создать.

Пока же новая власть «просила на первое время войска принять охрану города на себя, которые и исполняют обязанности милиционеров». Кроме военных, на охрану правопорядка заступили ученики старших классов землемерного училища, первой и второй гимназий. «Молодые люди самоотверженно и успешно выполняют принятые на себя обязанности охраны города, пользуясь доверием населения».

А функции «старорежимных» городских приставов временно приняли на себя присяжные поверенные г.г. Астахов, Козлов и Коротин.

Упомянутая выше комиссия по охране города была создана Симбирской городской думой 5 марта, а 9 числа она представила на рассмотрение гласных (депутатов) проект нового народного органа охраны порядка. Согласно ему, место полицмейстера должен был занять старший комиссар городской милиции, будущими милицмейстерскими частями предстояло руководить просто комиссарам. Что же касается рядовых милиционеров, то «...имея ввиду, что состав милиции должен быть образован из свободных людей, Городская Комиссия обратилась к населению города с приглашением желающих вступить в милицию», – призывал «Симбирянин».

Здесь же приводились размеры денежного содержания будущих сотрудников, которые официально были утверждены Думой лишь на следующий день. Так, начальнику городской милиции предлагалось жалование в 250 рублей в месяц, комиссарам – по 200, их помощникам – по 150, милиционерам – по 50 плюс по 11 рублей квартирных или квартира натурой «с применением всех видов довольствия от города, которые были назначены бывшей полицией».

Примерно в эти же дни состоялось назначение старшего комиссара городской милиции. Им стал генерал-майор Николай Павлович Конаков.

Сведений об этом человеке, к сожалению, очень мало. Известно лишь, что некий генерал Н.П. Конаков храбро воевал в Первую мировую, что позже среди белогвардейских генералов

был человек с таким именем, который потом эмигрировал. Относится ли все это к бывшему комиссару симбирской городской милиции, пока с уверенностью сказать трудно.

Через 10 дней после назначения комиссара – двадцатого марта – в Симбирскую городскую управу поступили его предложения по штатному расписанию, денежному содержанию и персональному составу канцелярии управления городской милиции. За основу было взято штатное расписание канцелярии симбирского полицмейстера. При этом в документе подчеркивалось, что «штат канцелярии городского управления милиции сокращен с уменьшением содержания служащим ни в коем случае без ущерба для дела не может быть».

К письму прилагался список служащих: помощником старшего комиссара и заведывающим общим делопроизводством был назначен титулярный советник Дионисий Фёдорович Морачевич, служивший прежде помощником ардатовского полицейского исправника.

Был в штате канцелярии регистратор, он же – журналист Фёдор Петрович Носов. Однако занимался оный не писанием статей для многочисленных симбирских газет, а вел различные журналы, в которых регистрировались посетители, входящие и исходящие бумаги и пр.

Всего же штат канцелярии городского управления милиции насчитывал всего одиннадцать человек.

Судя по перечню должностей, никакой, как сейчас говорят, оперативно-розыскной деятельности, а также ни следствия, ни дознания его сотрудники не вели. Их основным занятием была «штабная» работа с документами. Иметь дело непосредственно с правонарушителями приходилось разве что смотрителю арестантских помещений.

А единственным профессионалом был, судя по всему, лишь помощник Конакова – бывший полицейский Д.Ф. Морачевич.

Кстати, о бывших. Их участие в работе новых правоохранительных органов вроде бы не запрещалось.

Во всяком случае, в постановлении городской думы об учреждении городской охраны, опубликованном 5 марта, прямо говорилось, что «состав существующей полиции войдет в городскую организацию». А в циркуляре, разосланном губернским комиссарам в уезды 7 марта, предписывалось уволить в отпуск всех городских, «не получивших места в милиции». Таким образом, участие бывших полицейских во вновь создаваемой структуре предполагалось.

Это и не удивительно – все прекрасно понимали: как бы ни были дисциплинированы солдаты гарнизона, вышедшие на патрулирование улиц, как бы ни переполнял революционный восторг романтические души юных гимназистов, эффективно противостоять криминалу ни те, ни другие не способны. Для борьбы с преступностью нужны обученные профессионалы. Поэтому 10 марта в Симбирскую городскую управу поступило прошение оставить на службе в милиции нескольких бывших полицейских. Вот их имена:

по 1 части – Мефодия Иванова, Захара Липина, Петра Трусенева, Евдокима Иванова, Ивана Брюханова.

По 2 части: Егора Андриянова, Григория Дылдина, Пера Зотова, Федора Братова, Александра Лукашина, Кузьму Куприянова, Алексея Преображенского.

По 3 части: Максима Гурьянова, Петра Ершова, Алексея Ефремова, Семена Журина, Игнатия Аникина, Сергея Анучина, Петра Лазарева.

Однако этот очевидно полезный и сугубо прагматичный шаг встретил неожиданный отпор со стороны ортодоксально-революционной публики как противоречащий «идеалам

Здание первой полицейской части Симбирска

революции». И уже 12 марта «Симбирянин» успокоил обывателей: «Ввиду продолжающих курсировать по городу слухов, будто чины бывшей полиции пристраиваются на службу в городской милиции и остаются на службе у города, можем категорически заявить, что вся бывшая полиция расформирована, оружие у нее отобрано, и никто из служивших в ней лиц на службе у городской милиции не состоит...».

Тем не менее руководство города все же удержалось в рамках здравого смысла и сочло возможным оставить поименованных лиц на службе, хотя и временно.

Тем более, что: «Состоявшая в милиции учащая молодежь, привлекая к себе симпатию населения и заслужившая большую благодарность от города за помощь в трудный момент, когда город остался без полиции, начинает возвращаться к своим прежним занятиям, к чему ее уже начали призывать и родительские комитеты. В милиционерах теперь недостатка не ощущается и дело это надо считать налаженным», – радостно констатировала пресса в середине марта. Но это было далеко не так. Проблема с комплектованием стояла достаточно остро – на должности рядовых милиционеров народ не очень рвался – риск большой, а зарплата маленькая. К тому же все годные к строевой службе мужчины призывного

возраста находились в распоряжении воинского начальника и подлежали отправке на фронт. Так что в милицейские ряды могли влиться лишь те, кого по тем или иным причинам «отбраковали» призывные комиссии.

Нестроевым был и Иван Васильевич Гольцов, проживавший в заволжской слободе Королевке и служивший в комиссии по постройке патронного завода, в каковую комиссию он вошел от Канавинского кредитного товарищества.

27 марта Гольцов подал на имя начальника городской милиции прошение, в котором предлагал свою кандидатуру на должность комиссара в Заволжских слободах.

Интересен мотив, которым руководствовался Гольцов, желая взяться за новое и, прямо скажем, далеко не простое дело. Комиссарский оклад в 200 рублей в месяц «я зарабатываю в настоящее время, служа на патронном заводе и в Канавинском кредитном товариществе», – говорится в прошении. Так что материальные соображения тут ни при чем. Тогда что? «Мое знание условий жизни и быта

заволжских жителей не только в их общей массе, но даже и в отдельности почти каждого из них – поможет мне справиться даже и на первых порах с ответственной должностью Комиссара и таким образом быть на своем месте и приносить в порученном мне деле посильную пользу».

14 апреля Гольцов вступил в должность.

Примерно в это же время прошение о получении места помощника заволжского комиссара подал в городское управление милиции Владимир Сергеевский – выпускник Симбирской духовной семинарии. Однако ему в приеме на службу было отказано. Это значит, что какой-никакой выбор при назначении на руководящие милицейские должности у старшего комиссара все-таки был.

Однако вместе с объявлением о возмездности охраны правопорядка, то есть с переводом этой деятельности на профессиональную основу, вновь создаваемая структура формально утратила право называться милицией, поскольку милиция, как мы помним, – образование добровольческое, этакое народное ополчение. С введением же четкой профессиональной штатной иерархической структуры фактически воссоздавался только что уничтоженный аппарат полиции, правда, на новом качественном уровне. Увы, на уровне более низком.

Владимир Миронов
(Продолжение следует)

Фото Сергея Ойкина